

Ю.В. Костомарова

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина 86, г. Тюмень, 625026, РФ
E-mail: jvkostomarova@yandex.ru

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ БРОНЗОВОГО ВЕКА К ЖЕЛЕЗНОМУ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИИШИМЬЯ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Подведены итоги многолетнего исследования проблематики переходного от бронзы к железу времени на территории Приишимья. Обращение к данной теме объясняется рядом причин. Во-первых, этот период характеризуется усилением миграционной активности населения, происходившей как в широтном, так и в меридиональном направлении, что нашло отражение в многокомпонентности археологического материала и, следовательно, неоднозначности его интерпретации. Во-вторых, Приишимье в археологическом отношении долгое время оставалось мало изученным, однако работы последних лет существенно изменили эту ситуацию. Таким образом, возникла необходимость в обобщении всех доступных сведений по обозначенной тематике. Для этого в хронологическом порядке собраны данные об исследовании памятников; систематизированы точки зрения на их происхождение, хронологию и культурную атрибуцию. В истории изучения рассматриваемой темы выделено два этапа. Первый из них охватывает 60-е — начало 80-х гг. XX в. В этот период имели место эпизодические исследования памятников интересующего нас времени, появляются первые публикации их материалов и схемы историко-культурного развития. Нижней хронологической границей второго этапа можно считать начало 80-х гг. прошлого века. С этого времени происходит активизация полевых работ, исследования приобретают систематический и целенаправленный характер, ведутся дискуссии о культурной принадлежности памятников, их хронологии и происхождении. Эти тенденции продолжают в настоящее время. В работе сформулированы основные нерешенные проблемы и обозначены направления дальнейших исследований, обоснована важность материалов Приишимья в этом процессе.

Ключевые слова: *переходное время от бронзового века к железному, Приишимье, крестовая керамика, красноозерская культура, история изучения.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-048-057

Своеобразие материалов памятников, повсеместно обнаруженных в первой половине прошлого столетия на территории юга Западной Сибири, дало основание исследователям выделить этап их существования в особый хронологический период, названный позднее переходным [Косарев, 1981, с. 180–181]. «Переходность» комплексов заключалась в их неоднородности — в культурном слое одновременно залегали древности нескольких археологических культур, не похожих на предшествовавшие и имеющих иногда удаленные друг от друга ареалы. В первую очередь отмечалось присутствие в коллекциях посуды, декорированной крестовым штампом. Разное соотношение типов керамики в границах одного памятника обусловило неоднозначность их интерпретаций. Исследователи сходились, однако, в том, что объясняли их возникновение активизацией миграционных процессов в конце эпохи бронзы. В связи с появлением за последнее десятилетие новых данных, существенно дополняющих наши представления о переходном от бронзы к железу времени на территории западно-сибирской лесостепи, основные дискуссионные проблемы их изучения обозначились с новой силой. Эта тенденция ярко проявилась на материалах лесостепного Приишимья. По этой причине возникла необходимость в систематизации и обобщении соответствующих сведений. Таким образом, целью статьи является подведение итогов многолетнего исследования проблематики переходного от бронзы к железу времени Приишимья. Для этого в хронологическом порядке проанализируем основные точки зрения на рассматриваемые древности и их аргументацию.

В истории изучения переходного от бронзы к железу времени лесостепного Приишимья выделено два этапа. Первый приходится на 60–70-е гг. XX в., второй начинается в 80-е гг. прошлого столетия и продолжается в настоящее время. Каждый из этапов характеризуется набором признаков. К ним относятся: состояние источниковой базы; господствующие приемы рабо-

Переходное время от бронзового века к железному на территории Приишимья...

ты с археологическим материалом и подходы к построению схем культурного развития региона. В целом обозначенные периоды имеют точки соприкосновения с разработанными на сегодняшний день периодизациями как сибирской археологии в целом, так и ее отдельных тематических направлений.

Археологическое исследование древностей эпохи поздней бронзы — переходного времени лесостепного Приишимья началось сравнительно поздно, лишь в 60-е гг. прошлого века. К этому времени уже сложились представления об историко-культурной ситуации рубежа II—I тыс. до н.э. на соседних территориях, где памятники с крестовой керамикой были известны с начала XX в. [Комарова, 1952, с. 31; Берс, 1954, с. 46; Сальников, 1960, с. 3–20; Косарев, 1974, с. 6]. Исследователи были единодушны, считая их постандроновскими, не имевшими местных корней. В условиях господства мнения об этнической природе археологической культуры в качестве главного аргумента в пользу этой версии послужила керамика, резко отличавшаяся по своим декоративно-морфологическим признакам от посуды культур эпохи поздней бронзы. В 60-е гг. XX в. ареал памятников с крестовой керамикой был существенно расширен. Подобная посуда зафиксирована в Приишимье, Прииртышье, Томско-Нарымском и Верхнем Приобье [Генинг, Евдокимов, 1969; Генинг и др., 1970; Абрамова, Стефанов, 1985; Троицкая и др., 1989]. На интересующей нас территории исследования проводились Уральской археологической экспедицией Уральского государственного университета. Интенсивные полевые работы во многих районах юга Западной Сибири позволили выявить десятки новых археологических объектов (рис. 1) [Археологическое наследие..., 1995, с. 129, 136].

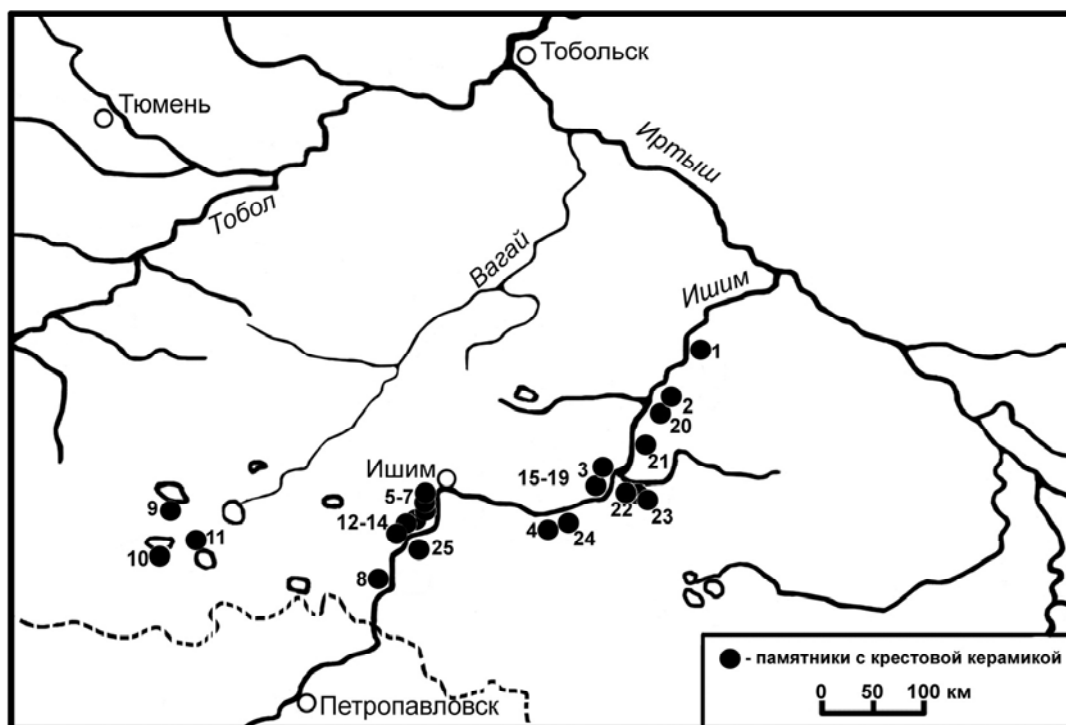

Рис. 1. Карта памятников с крестовой керамикой на территории Приишимья:

- 1 — гор. Борки 1; 2 — пос. Боровлянка 2; 3 — гор. Ефимово 1; 4 — пос. Старая Маслянка; 5–7 — пос. Мергень 2, 5, 6; 8 — пос. Марай 1; 9 — пос. Шабуровское; 10 — пос. Беловское 3; 11 — пос. Карьковское; 12 — пос. Балаганы 1; 13 — пос. Чернышова 4; 14 — Абатский кург. мог.; 15–19 — пос. Поганое, Быструха 4, Кокуй 7, 11, 12; 20 — пос. Ивановское; 21 — пос. Тюляшов Бор; 22 — пос. Ир 2; 23 — гор. Узловское; 24 — пос. Чупино; 25 — гор. Кучум-Гора
(1–8 — памятники с красноозерским культурным горизонтом; 9–13, 15–22 — памятники, известные по разведочным данным; 23–25 — памятники, при исследовании которых получено несколько обломков посуды с крестовым орнаментом).

Так, Л.Г. Шориковой в Тоболо-Ишимском междуречье на оз. Большое Карьковское обнаружен первый памятник с крестовой керамикой — Карьковское поселение [Археологическое наследие..., 1995, с. 93]. К концу 60-х гг. проведены раскопки ряда поселений эпохи поздней бронзы — переходного времени, получены оригинальные материалы, не имевшие точных аналогов.

По результатам работ учеными подготовлена серия публикаций, в которых введены в научный оборот новые источники, дана их первичная интерпретация [Голдина, 1969; Генинг, Евдокимов, 1969]. Обращено внимание на то, что древности сочетали в себе признаки нескольких археологических культур. На основании анализа керамических комплексов с поселения Старая Маслянка и городища Кучум-Гора авторы разработали их периодизацию и представили общую характеристику историко-культурной обстановки в Приишимье на рубеже II–I тыс. до н.э. [Там же]. Часть материалов городища Кучум-Гора была соотнесена с эпохой поздней бронзы, однако в силу своеобразия и малочисленности культурно не атрибутирована. Более позднюю хронологическую позицию, по мнению ученых, занимало селище Старая Маслянка [Генинг, Евдокимов, 1969]. Основанием для подобного вывода послужило преобладание на последнем посуде с крестовым орнаментом, ближайшие аналогии которой на других территориях относились к началу I тыс. до н.э. [Там же, с. 62]. Старо-Маслянское и сходные с ним поселения с крестовой керамикой Приишимья были отнесены к карьковской группе памятников, по материалам одноименного селища, где подобную посуду обнаружили впервые. Население, оставившее древности карьковского типа, по мнению В.Ф. Генинга и В.В. Евдокимова, было пришлым, однако его исходная территория оставалась неизвестной.

В 70-е гг. археологические исследования в Приишимье практически не проводились, оно оказалась вне поля зрения научных центров. Деятельность Уральской археологической экспедиции сосредоточилась на обследовании Притоболья и смежных районов. Как исключение следует отметить работу экспедиции Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева, осуществлявшуюся под руководством И.А. Сыркиной, которой на протяжении трех лет изучалось городище Борки 1 [Сыркина, 1980, с. 237]. Однако каких-либо обобщающих публикаций по результатам исследований подготовлено не было. Таким образом, к началу 80-х гг. XX в. получены первые материалы, характеризующие эпоху поздней бронзы — переходного времени Приишимья. Малочисленность комплексов не позволила детально охарактеризовать эти древности и убедительно ответить на вопросы об их хронологии и происхождении.

В начале 80-х гг. прошлого века окончательно оформляется точка зрения об особом периоде в древней истории юга Западной Сибири, названном переходным [Косарев, 1981, с. 180–181]. Он ассоциировался с масштабной миграцией таежного населения в лесостепную зону, связанной с изменением климатических условий в сторону похолодания и увлажнения, и распространением в лесостепи крестовой керамики и присваивающих отраслей хозяйства [Там же, с. 185]. Продолжилось изучение прииртышских памятников, объединенных в отдельную, красноозерскую культуру [Абрамова, Стефанов, 1985]. Ученые обратили внимание на отличия между ее лесными и лесостепными комплексами. Была высказана точка зрения об их возможной хронологической дифференциации [Там же, с. 119]. Такой подход объяснял значительное различие однокультурных памятников и позволял изучать культурно-исторические процессы в динамике. На основании орнаментально-морфологического анализа посуды с жертвенного места Хутор Бор 1 А.Я. Труфанов выделил начальный, хуторборский, и инберенский, или красноозерский, этапы красноозерской культуры. Для первого характерно сосуществование на одном поселении двух генетически отличных групп населения с собственными керамическими традициями. Такие комплексы, по мнению автора, трудно соотнести с новой археологической культурой. Этому понятию больше соответствуют памятники второго этапа, в материалах которых уже четко фиксируется слияние местных и пришлых элементов. Предлагая рассматривать инберенские комплексы в рамках красноозерской культуры, А.Я. Труфанов с оговорками, но все-таки относил к их числу и материалы Хутор Бора 1 [Труфанов, 1983, с. 65]. Эта точка зрения тогда не получила развития в силу отсутствия новых материалов, особенно соответствующих хуторборским. Сходные наблюдения сделаны по материалам Приобья [Троицкая, 1985, с. 60; Троицкая и др., 1989]. Карьковские комплексы в этой схеме М.Б. Абрамова и В.И. Стефанов рассматривали как промежуточные между нижеобскими и красноозерскими [1985, с. 123]. М.Ф. Косарев включал их в ареал памятников с керамикой красноозерского типа [1981, с. 191, 192].

С начала 80-х гг. XX в. можно говорить о новом этапе в изучении древностей переходного времени Приишимья. Его основной чертой являются не прекращающиеся и с каждым годом увеличивающиеся в масштабах археологические исследования. Лесостепное Приишимье прочно вошло в сферу научных интересов тюменских археологов. Тюменской археологической экспедицией были проведены широкие разведочные исследования в Абатском, Викуловском, Ишимском, Казанском и других районах Тюменской области, благодаря которым, во-первых,

Переходное время от бронзового века к железному на территории Приишимья...

повторно осмотрены некоторые из ранее выявленных памятников; во-вторых, археологическая карта Приишимья существенно пополнилась объектами. На ряде их организованы раскопки [Археологическое наследие..., 1995, с. 15, с. 109–145]. Так, в 1984 и 1986 гг. А.В. Матвеевым исследовалось городище Ефимово 1. В результате получен представительный комплекс артефактов переходного от бронзы к железу времени, который был первоначально отождествлен с красноозерскими древностями [Матвеев, Горелов, 1991, с. 54]. Однако позднее авторы подошли к вопросу о культурной атрибуции городища более осторожно, ссылаясь на существенные различия прииртышских красноозерских памятников [Матвеев, Горелов, 1993, с. 54]. В эти же годы А.Н. Панфиловым и В.А. Захом исследовано многослойное поселение Боровлянка 2 [Панфилов и др., 1991]. Ученые рассматривали Приишимье в переходное время как контактную зону. Они отметили многочисленные общие черты памятников с крестовой керамикой Прииртышья и Приишимья и объединили их в рамках красноозерской культуры [Там же, с. 44]. В работе нашла отражение общая тенденция, характерная для изучения всех подобных комплексов юга Западной Сибири, сводящаяся к признанию ведущей роли местного компонента в их формировании [Труфанов, 1984, 1994]. Кроме того, на поселении Боровлянка 2 зафиксирована немногочисленная группа посуды, по мнению исследователей, хронологически более поздняя, чем красноозерская. Она была соотнесена с журавлевскими древностями [Панфилов и др., 1991, с. 47].

Журавлевский тип керамики впервые был выделен А.Я. Труфановым по материалам поселения Ямсыса VII. Ученый полагал, что подобная посуда хронологически находится между сузгунскими и «крестовыми» древностями и богочановской культурой раннего железного века [Труфанов, 1987]. В более поздней работе речь велась уже о группе памятников с керамикой журавлевского типа, отражающих развитие традиций части сузгунского населения, которое мало подверглось воздействию носителей крестовой керамики [Могильников и др., 1991, с. 217]. В середине 90-х гг. Е.М. Данченко высказал точку зрения, что журавлевские древности генетически связаны с сузгунскими и красноозерскими и представляют собой оригинальный в культурном отношении комплекс, но несмотря на это относил его к начальному этапу богочановской культуры, датированному VI–IV вв. до н.э. [1996, с. 29, 85, 101]. В ее ареал он включал приишимские селище Боровлянка 2 и Борковское городище [Там же, с. 15]. Однако не до конца ясными оставались хронология журавлевских материалов, механизм их формирования (какие именно традиции легли в основу, в какой степени) и трансформации. Недостаточно раскрыт, на наш взгляд, вопрос, почему при явной схожести журавлевской посуды с керамикой эпохи поздней бронзы — переходного времени, не раз отмечаемой автором, первая в итоге соотнесена с комплексами раннего железного века.

В целом исследованные в 80–90-е гг. прошлого века в Приишимье памятники с крестовой керамикой были культурно и хронологически атрибутированы: включены в красноозерский ареал и датированы концом IX — VII в. до н.э. [Панфилов и др., 1991, с. 44; Матвеев, Горелов, 1993, с. 54–55; Полеводов, 2004, с. 221–224]. При исследовании саргатского кургана Абатского 3 могильника Н.П. Матвеевой получены сведения о погребальном обряде красноозерского населения [Матвеева, 1991]. До сих пор эти погребения являются единственными относящимися к этому периоду в Приишимье. В 90-е гг. на рассматриваемой территории проводились комплексные археологические и палеогеографические исследования памятников Мергенского археологического микрорайона. В его рамках были изучены селища Мерген 2, 5, 6. Получены керамические коллекции, инвентарь и материал для реконструкции природной обстановки рассматриваемого периода [Матвеев и др., 1997, с. 192].

В последние десятилетия актуальность проблем, связанных с изучением переходного времени на территории юга Западной Сибири, в целом сохраняется. Это обусловлено исследованиями новых памятников и применением методов, позволивших по-другому оценить уже имеющиеся в распоряжении исследователей источники, уточнить, дополнить и скорректировать многие аспекты их изучения. Произошли изменения и в подходах к оценке этнокультурной обстановки на территории юга Западной Сибири. Полученные материалы продемонстрировали, что на рубеже I–II тыс. до н.э. имело место не только перемещение таежного населения в лесостепь и его последующее взаимодействие с аборигенными группами, отражением которого стали памятники с крестовой керамикой, но и не менее масштабные миграции носителей соседних археологических культур. На этом фоне происходило развитие традиций местного населения [Молодин, Васильев, 2010; Молодин, 2014, с. 61; Зимица, Зах, 2009; Шерстобитова, 2008]. Подобная тенденция в изучении переходного времени характерна и для Приишимья.

Археологической экспедицией ИПОС СО РАН были продолжены раскопки многослойного поселения Мергень 6 [Зах и др., 2008, с. 177–178; Зими́на, Скочина, 2008, с. 187–189]. Начато изучение поселения Марай 1, являющегося крайним южным изученным здесь красноозерским памятником. На нем обнаружен закрытый комплекс переходного времени, образовавшийся в результате пожара, что делает эти материалы особенно ценными для восстановления различных сторон жизни обитателей селища. Получены данные для радиоуглеродного датирования, источники для реконструкции природного окружения, хозяйственной деятельности и домостроительства населения [Цембалюк, 2012, 2015]. После долгого перерыва возобновлены исследования на городище Борки 1, на котором, помимо красноозерских, выявлены журавлевские древности, представленные в том числе закрытым комплексом, связанным с металлопроизводством [Зах и др., 2015а, б]. Активно ведется работа по всестороннему анализу этих материалов, публикация подробных результатов работ — дело ближайшего будущего.

Можно заключить, что к настоящему времени существенно пополнился источниковый фонд для изучения переходного от бронзы к железу времени Приишимья, уточнены многие характеристики культур. Сделан вывод о поэтапном развитии традиций населения этого периода [Зах и др., 2015b, с. 4]. Однако остается нерешенным широкий круг проблем, обусловленных прежде всего многослойным характером многих исследованных памятников. Достаточно сложно выделить материалы, непосредственно связанные с переходным временем, той или иной археологической культурой. Это касается не только орудий труда, палеозоологических коллекций, но и керамических серий. Посуда нескольких декоративных традиций часто стратиграфически или планиграфически не разделяется, тем не менее исследователями на основании орнаментально-морфологических признаков не только выделяются группы керамики, они культурно и хронологически атрибутируются.

Наиболее явно вышеуказанная проблема отразилась в изучении красноозерских древностей Прииртышья. О.С. Шерстобитова предложила относить к ним только инберенские комплексы, характеризующиеся единой, уже сложившейся традицией декора посуды. Их своеобразие определяет сочетание сузгунских, ирменских и восходящих еще к доандроновской бронзе черт. Автор выделила смешанную сузгунско-ирменско-красноозерскую группу керамики и красноозерскую посуду переходного типа, предшествовавшие инберенской [Шерстобитова, 2010b]. Таким образом, получила развитие идея А.Я. Труфанова о хронологическом характере различий красноозерских лесных и лесостепных комплексов, в интервал между хуторборской и инберенской керамическими традициями включены еще два звена. Однако в работе О.С. Шерстобитовой имеются противоречия; в частности, непонятно, каким образом на сосудах более ранней смешанной группы проявились уже сформировавшиеся красноозерские черты, возникшие, по ее же мнению, позднее и на их основе [Там же, с. 30–31]. Предложенная исследователем точка зрения изложена крайне неоднозначно. Не вносит ясность и тот факт, что в основу выделения нескольких групп керамики лег анализ ее декоративно-морфологических признаков, однако сведения о количестве сосудов того или иного типа в публикации отсутствуют.

При сложности культурно-исторических процессов в переходное время, обусловивших своеобразие археологического материала каждого памятника, выделение переходных типов и форм — трудная задача, решение которой требует убедительной аргументации и привлечения к анализу всех красноозерских материалов. На основании изучения древностей переходного времени Приишимья О.Ю. Зими́на полагает, что выделение только инберенских памятников в отдельную культуру ограничивает ее рамки и не позволяет выявить динамику [2015, с. 49]. Проведенный исследователем сравнительный анализ прииртышских и приишимских красноозерских керамических комплексов позволил хронологически дифференцировать последние [Зах, Зими́на, 2014; Зими́на, 2015]. Материалы переходного от бронзы к железу времени Приишимья, несмотря на общую с остальными красноозерскими линию развития традиций, демонстрируют и явное своеобразие, проявившееся в характере орнаментации части некрестовой группы посуды, а также в присутствии значительной доли емкостей, орнаментированных крестовым штампом, и в лесостепной зоне. В этой связи представляет интерес дальнейшее проведение комплексного сравнения приишимских материалов, а также синхронных им древностей с других территорий, что позволит установить общие черты и локальные особенности миграций и реконструировать процессы взаимодействия пришлого и местного населения в переходное от бронзы к железу время. Проблематично атрибутировать общую для многих культур, как лесостепных, так и таежных, гребенчато-ямочную традицию декора сосудов. Отсюда сложность в разде-

Переходное время от бронзового века к железному на территории Приишимья...

лени красноозерских и сузгунских древностей на ряде памятников, требующая детального стратиграфического и планиграфического анализа особенностей залегания керамики этих культур. Для всех комплексов с крестовой керамикой юга Западной Сибири нерешенной остается проблема истоков этой традиции. Исследования последних лет не позволяют однозначно связывать ее с атлымской культурой [Кокшаров, 2007, с. 53].

Изменился подход к журавлевскими древностям. Появилась точка зрения, согласно которой они представляют собой отдельную археологическую культуру, отражающую отличную от красноозерской линию развития населения южно-таежного Прииртышья. Эта гипотеза основана на различиях журавлевских и богочановских керамических комплексов [Шерстобитова, 2010а, 2011]. Автор гипотезы полагает, что в основе журавлевских черт лежит трансформация автохтонных позднебронзовых элементов при минимальном воздействии крестовой традиции [Шерстобитова, 2011, с. 299]. Таким образом, журавлевские древности, на определенном этапе синхронные инберенским, рассматриваются уже как комплексы переходного времени. Однако многие аспекты, связанные с их формированием и развитием, остаются нераскрытыми. Поэтому версия о самодостаточной журавлевской культуре, ее датировка и происхождение нуждаются в дополнительной аргументации. Решению этой проблемы может способствовать обобщение всех (прииртышских и приишимских) журавлевских материалов и их сравнение с красноозерскими. Не последнюю роль в разрешении вопроса могут сыграть комплексы Борковского городища. Факт расположения в лесостепной зоне Приишимья журавлевских памятников уже опровергает точку зрения омских исследователей о исключительно южно-таежном ареале журавлевской культуры и вывод о двух линиях развития традиций населения эпохи поздней бронзы — южной и северной [Там же], а также ставит вопрос о более серьезном влиянии красноозерских групп на формирование журавлевских традиций.

Для рассматриваемого периода единичны данные о погребальном обряде. Кроме того, следует отметить, что для памятников переходного времени с их специфическими материалами, отражающими смешение и сосуществование разных культурных традиций, актуальна проблема их атрибуции в терминах археологической науки — тип, вариант, культура. Перспективным, на наш взгляд, является анализ источников и в этом направлении. Решению обозначенных и других спорных вопросов будет способствовать изучение новых хорошо стратифицированных археологических памятников переходного периода, в том числе с применением комплексного междисциплинарного подхода. Кроме того, дальнейшие исследования проблематики переходного времени необходимо продолжать в контексте идеи о многолинейной эволюции и поликультурности, что наиболее соответствует характеру археологического материала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 59–76.

Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепной и подтаежной полосы / А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, А.Н. Панфилов, М.А. Буслова, В.А. Зах, В.А. Могильников. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Кн. изд-во, 1954. 112 с.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Старо-Масляное поселение // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 57–64.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1970. С. 12–51.

Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 138–158.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Зах В.А., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Костомаров В.М., Илюшина В.В. Комплексы переходного от бронзы к железу и раннескифского времени городища Борки 1 в Приишимье // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015а. Вып. 3. С. 132–135.

Зах В.А., Зимица О.Ю. Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 4. С. 47–57.

Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.

- Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М.* Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015b. № 2. С. 4–14.
- Зими́на О.Ю., Скочина С.Н.* Комплекс переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6 в Приишимье // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. С. 187–189.
- Зими́на О.Ю.* Комплексы красноозерской культуры Ишимо-Иртышья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН. 2015. № 4. С. 47–57.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Кокшаров С.Ф.* Памятники атлымской культуры на реке Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. 2007. № 3. С. 53–62.
- Комарова М.Н.* Томский могильник — памятник древней истории лесных племен Западной Сибири // МИА. 1952. № 24. С. 7–50.
- Косарев М.Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 196 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Матвеев А.В., Горелов В.В.* Основные итоги исследования городища Ефимово 1 // Проблемы поздней бронзы и переходного времени на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991. С. 43–45.
- Матвеев А.В., Горелов В.В.* Городище Ефимово 1. Препр. Тюмень. 1993. 75 с.
- Матвеев А.В., Зах В.А., Ларин С.И., Дрябина Л.А., Матвеева Н.П.* Доисторические культуры и палеогеография Мергенского археологического микрорайона // Археологические микрорайона Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1997. С. 76–114.
- Матвеева Н.П.* Первые погребения переходного периода от бронзового века к железу в лесостепном Приишимье // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 78–84.
- Могильников В.А., Данченко Е.М., Труфанов А.Я.* Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // РА. 1991. № 3. С. 196–220.
- Молодин В.И.* Этнокультурная мозаика в западной Барабе (эпоха поздней бронзы — переходное время от эпохи бронзы к железу веку. XIV–VIII века до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4. С. 54–63.
- Молодин В.И., Василев С.К.* Городище Чича: Аборигены и мигранты: (Традиции хозяйственной деятельности и адаптация к новым условиям) // УИВ. 2010. № 2. С. 72–78.
- Панфилов А.Н., Зах В.А., Зах Е.М.* Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 25–50.
- Полеводов А.В.* К проблеме культурной идентификации памятников переходного от бронзы к железу времени Приишимья // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 2004. С. 221–224.
- Сальников К.В.* Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала // Из истории Урала. 1960. С. 3–20.
- Сыркина И.А.* Исследование Борковского городища // АО 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 237.
- Троицкая Т.Н.* Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: ТюмГУ, 1985. С. 54–68.
- Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А.* Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: ТюмГУ, 1989. С. 103–116.
- Труфанов А.Я.* Жертвенное место Хутор Бор 1: (О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1983. С. 63–76.
- Труфанов А.Я.* Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1984. С. 57–77.
- Труфанов А.Я.* О специфике миграционных процессов в пределах гамаюно-молчановской общности // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 85–87.
- Цембалюк С.И.* Красноозерский комплекс поселения Марай 1: (Предварительное сообщение) // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 180–181.
- Цембалюк С.И.* Хозяйство и быт населения красноозерской культуры (по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье) // РА. 2015. № 3. С. 5–16.
- Шерстобитова О.С.* Посуда со смешанными культурными признаками: К вопросу о специфике взаимодействия культур на территории Среднего Прииртышья в эпоху бронзы // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. С. 129–138.
- Шерстобитова О.С.* К вопросу о соотношении журавлевских и инберенских древностей на территории Среднего Прииртышья // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010а. С. 372–374.

Переходное время от бронзового века к железному на территории Приишимья...

Шерстобитова О.С. Красноозерская культура в Среднем Прииртышье: Динамика развития // РА. 2010b. № 3. С. 28–35.

Шерстобитова О.С. Памятники журавлевского типа в Среднем Прииртышье — этап или самостоятельный феномен? // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 298–299.

Yu.V. Kostomarova

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: jvkostomarova@yandex.ru

THE TRANSITION PERIOD FROM THE BRONZE AGE TO THE IRON AGE ON THE TERRITORY OF THE ISHIM RIVER BASIN: RESULTS AND PROBLEMS OF STUDY

The work is aimed at summarizing studies of the transition from the Bronze Age to the Iron Age on the territory of the Ishim river basin. We address this subject for several reasons. Firstly, this period is characterized by increased migration activity of the population, which is reflected in the multicomponent archaeological material and ambiguity in interpretation. Secondly, in archaeological terms, the Ishim river basin has long remained poorly understood, but recent works have significantly changed this situation. There is a need to summarize all available information on the topic under consideration. Therefore, the data on the study of monuments were collected in chronological order; existing points of view on their origin, chronology, and cultural attribution are systematized. The history of the study on the topic is divided into two stages. The first one covers the 60s — the early 80-s of the XX century. In this period, there were occasional studies of the monuments we are interested in, the first publications of their materials and diagrams of historical and cultural development. The lower chronological limit of the second stage can be considered the beginning of 80-s of the last century. Since that time, the field work has been activated, research has acquired a systematic and focused character, there have been debates on the cultural background of the monuments, their history and origin. These trends are ongoing. The paper points out the key challenges and suggests areas for further research.

Key words: the transition period from the Bronze to the Iron Age, the Ishim river basin, cross ceramics, the Krasnoozerkka culture, history of the study.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-048-057

REFERENCES

- Abramova M.B., Stefanov V.I., 1985. Krasnoozerskaia kul'tura na Irtyshe [The Krasnoozerkka culture at the Irtysh river]. *Arkheologicheskie issledovaniia v raionakh novostroek Sibiri*, Novosibirsk: Nauka, pp. 59–76.
- Bers E.M., 1954. *Arkheologicheskie pamiatniki Sverdlovskia i ego okrestnostei* [Archaeological monuments of Sverdlovsk and its vicinity], Sverdlovsk, 112 p.
- Gening V.F., Evdokimov V.V., 1969. Staro-Maslianskoe poselenie [The settlement of Staro-Maslyanskoe]. *Voprosy arkheologii Urala*, 8, Sverdlovsk, pp. 57–64.
- Gening V.F., Gusentsova T.M., Kondrat'ev O.M., 1970. Periodizatsiia poselenii epokhi neolita i bronzovogo veka Srednego Priirtysh'ia [Periodization of settlements of the Neolithic and the Bronze Age of the Middle Irtysh river basin]. *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: TGU, pp. 12–51.
- Goldina R.D., 1969. Gorodishche Kuchum-Gora [Fortified settlement of Kuchum-Gora]. *Voprosy arkheologii Urala*, 8, Sverdlovsk, pp. 138–158.
- Danchenko E.M., 1996. *Iuzhnotaezhnoe Priirtysh'e v seredine-vtoroi polovine I tys. do n.e.* [Southern taiga area of the Irtysh river basin in the middle — the second half of the I thousand BC], Omsk: Izdatel'stvo OmGPU, 212 p.
- Koksharov S.F., 2007. Pamiatniki atlymskoi kul'tury na reke Endyr' [Monuments of the Atlym culture on the Endir river]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 3, pp. 53–62.
- Komarova M.N., 1952. Tomskii mogil'nik — pamiatnik drevnei istorii lesnykh plemen Zapadnoi Sibiri [Tomsk burial ground is an ancient monument of the forest tribes of Western Siberia]. *MIA*, no. 1, pp. 7–50.
- Kosarev M.F., 1974. *Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ia* [Ancient cultures of the Tomsk-Narym Ob river basin], Moscow: Nauka, 196 p.
- Kosarev M.F., 1981. *Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri* [The Bronze Age in Western Siberia], Moscow: Nauka, 276 p.
- Matveev A.V., Gorelov V.V., 1991. Osnovnye itogi issledovaniia gorodishcha Efimovo 1 [The main results of the research of the ancient city of Efimovo 1]. *Problemy pozdnei bronzy i perekhodnogo vremeni na Urale i so-predel'nykh territoriiakh*, Ufa, pp. 43–45.
- Matveev A.V., Gorelov V.V., 1993. *Gorodishche Efimovo 1* [The fortified settlement of Efimovo 1]. Preprint, Tiumen', 75 p.

Matveev A.V., Zakh V.A., Larin S.I., Driabina L.A., Matveeva N.P., 1997. Doistoricheskie kul'tury i paleogeografiia Mergenskogo arkheologicheskogo mikroraiona [Prehistoric culture and paleogeography of the Menginsky archaeological district]. *Arkheologicheskie mikroraiona Zapadnoi Sibiri*, Omsk: OmGU, pp. 76–114.

Matveeva N.P., 1991. Pervye pogrebeniia perekhodnogo perioda ot bronzovogo veka k zheleznomu v lesostepnom Priishim'e [The first burials of the transitional period from the Bronze Age to the Iron Age in the forest-steppe Ishim river basin]. *Drevnie pogrebeniia Ob'-Irtys'h'a*, Omsk: Izd-vo OmGU, pp. 78–84.

Mogil'nikov V.A., Danchenko E.M., Trufanov A.Ia., 1991. Bogochanovskoe gorodishche i problemy kul'turnoi stratifikatsii lesnogo Priirtysh'ia v epokhu pozdnei bronzy i rannego zheleza [The settlement of Bogdanovskoe and the problem of cultural stratification of the forest Irtys'h river basin in the Late Bronze Age and the Early Iron Age]. *Rossiiskaia arkheologija*, no. 3, pp. 96–220.

Molodin V.I., 1995, (ed.) *Arkheologicheskoe nasledie Tiimenskoi oblasti: Pamiatniki lesostepnoi i podtaezhnoi polosy* [Archaeological heritage of Tyumen region: Forest-steppe and subtaiga monuments], Novosibirsk: Nauka, 240 p.

Molodin V.I., 2014. Etnokul'turnaia mozaika v zapadnoi Barabe (epokha pozdnei bronzy — perekhodnoe vremia ot epokhi bronzy k zheleznomu veku. XIV–VIII veka do n.e.) [Ethno-cultural mosaic in West Baraba (Late Bronze Age — the transition period from the Bronze Age to the Iron Age. XIV–VIII centuries BC)]. *Arkheologija, etnografiia i antropologija Evrazii*, no. 4, pp. 54–63.

Molodin V.I., Vasilev S.K., 2010. Gorodishche Chicha: Aborigeny i migranty: (Tradicii hozyajstvennoj deyatel'nosti i adaptaciya k novym usloviyam) [The settlement of Chicha: Natives and migrants: (Tradition, economic activities and adaptation to new conditions)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no. 2, pp. 72–78.

Panfilov A.N., Zakh V.A., Zakh E.M., 1991. Borovlianka 2 — pamiatnik neolita i perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Nizhnem Priishim'e [Borovyanka 2, a monument of the Neolithic and the transition period from the Bronze to the Iron Age in the Lower Ishim river basin]. *Istochniki etnokul'turnoi istorii Sibiri*, Tiumen': TiumentGU, pp. 25–50.

Polevodov A.V., 2004. K probleme kul'turnoi identifikatsii pamiatnikov perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni Priishim'ia [On the problem of cultural identification of monuments of the transition period from the Bronze to Iron Age in the Ishim river basin]. *Shestye Istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, Omsk: OmGU, pp. 221–224.

Sal'nikov K.V., 1960. Nekotorye itogi i problemy izucheniia drevnei istorii Urala [Some results and problems of study of the ancient history of the Urals]. *Iz istorii Urala*, Sverdlovsk, pp. 3–20.

Sherstobitova O.S., 2008. Posuda so smeshannyimi kul'turnymi priznakami: K voprosu o spetsifike vzaimodeistviia kul'tur na territorii Srednego Priirtysh'ia v epokhu bronzy [Dishes with mixed cultural characteristics: On the specificity of interaction of cultures on the territory of the Middle Irtys'h region in the Bronze Age]. *VII istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova*, Omsk, pp. 129–138.

Sherstobitova O.S., 2010a. K voprosu o sootnoshenii zhuravlevskikh i inberenskikh drevnostei na territorii Srednego Priirtysh'ia [On the ratio of Zhuravlevsky and Inberensky antiquities in the territory of the Middle Irtys'h river basin]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchanii*, Tomsk: Agraf-Press, pp. 372–374.

Sherstobitova O.S., 2010b. Krasnoozerskaia kul'tura v Srednem Priirtysh'e: Dinamika razvitiia [The Krasnozerka culture in the Middle Irtys'h region: Dynamics of development]. *Rossiiskaia arkheologija*, no. 3, pp. 28–35.

Sherstobitova O.S., 2011. Pamiatniki zhuravlevskogo tipa v Srednem Priirtysh'e — etap ili samodostatocnyi fenomen? [Zhuravlevsky type monuments in the Middle Irtys'h river basin: A stage or a self-contained phenomenon?]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda*, vol. I, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, pp. 298–299.

Syrkina I.A., 1980. Issledovanie Borkovskogo gorodishcha [Studies of the settlement of Borki]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1979*, Moscow: Nauka, p. 237.

Troitskaia T.N., 1985. Zav'ialovskaia kul'tura i ee mesto sredi lesostepnykh kul'tur Zapadnoi Sibiri [The Zavyalovo culture and its place among the forest-steppe cultures of Western Siberia]. *Zapadnaia Sibir' v drevnosti i srednevekov'e*, Tiumen': TiumentGU, pp. 54–68.

Troitskaia T.N., Zakh V.A., Sidorov E.A., 1989. Novoe o zav'ialovskoi kul'ture [New data about the Zavyalovo culture]. *Zapadnosibirskaia lesostep' na rubezhe bronzovogo i zhelez'nogo vekov*, Tiumen': TiumentGU, pp. 103–116.

Trufanov A.Ia., 1983. Zhertvennoe mesto Khutor Bor 1: (O kul'turno-khronologicheskom svoebrazii pamiatnikov epokhi pozdnei bronzy lesnogo Priirtysh'ia) [The sacrificial place of Khutor Bor 1: (About the cultural and chronological distinction of the sites of Late Bronze Age in the forest part of the Irtys'h river basin)]. *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: TGU, pp. 63–76.

Trufanov A.Ia., 1984. Materialy k proiskhozhdeniiu i razvitiuu krasnoozerskoi kul'tury lesostepnogo Priirtysh'ia [The materials about the origin and development of the Krasnozerka culture in the forest-steppe Irtys'h river basin]. *Problemy etnicheskoi istorii tiurkskikh narodov Sibiri i sopedel'nykh territorii*, Omsk: OmGU, pp. 57–77.

Trufanov A.Ia., 1994. O spetsifike migratsionnykh protsessov v predelakh gamaiuno-molchanovskoi obshchnosti [About the specifics of migration processes within the Gamayun-Molchanovo community]. *Paleodemografiia i migratsionnye protsessy v Zapadnoi Sibiri v drevnosti i srednevekov'e*, Barnaul: AltGU, pp. 85–87.

Переходное время от бронзового века к железному на территории Приишимья...

Tsembaliuk S.I., 2012. Krasnoozerskii kompleks poseleniia Marai 1: (Predvaritel'noe soobshchenie) [Krasnozerska complex of the settlement of Maray 1: (A preliminary report)]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya*, 2, Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 180–181.

Tsembaliuk S.I., 2015. Khoziaistvo i byt naseleniia krasnoozerskoi kul'tury (po materialam poseleniia Marai 1 v Nizhnem Priishim'e) [The economy and life of the population of the Krasnozerka culture (based on materials of the settlement of Maray 1 in the Ishim river basin)]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 3, pp. 5–16.

Zakh V.A., Danchenko E.M., En'shin D.N., Tigeeva E.V., Kostomarov V.M., Ilyushina V.V., 2015a. Kompleksy perekhodnogo ot bronzy k zhelezu i ranneskifskogo vremeni gorodishcha Borki 1 v Priishim'e [Complexes of the transition period from the Bronze to the Iron Age, and the early Scythian time at the settlement of Borki 1 in the Ishim river basin]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arheologiya, ehkologiya*, 3, Tiumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN, pp. 132–135.

Zakh V.A., Ilyushina V.V., Tigeeva E.V., En'shin D.N., Kostomarov V.M., 2015b. Zakrytyi zhuravlevskii kompleks gorodishcha Borki 1 v Nizhnem Priishim'e [An indoor Zhuravlevsky complex of the settlement of Borki 1 in the Lower Ishim river basin]. *Vestnik arkheologii, antropologii i étnografii*, no. 2, pp. 4–14.

Zakh V.A., Zimina O.Iu., 2014. Rannii kompleks krasnoozerskoi kul'tury poseleniia Mergen' 2 v Priishim'e [An early complex of the Krasnozerka culture of the settlement of Mergen 2 at the Ishim river area]. *Vestnik arkheologii, antropologii i étnografii*, no. 4, pp. 47–57.

Zakh V.A., Zimina O.Iu., Riabogina N.E., Skochina S.N., Usacheva I.V., 2008. *Landshafty golotsena i vzaimodeistvie kul'tur v Tobolo-Ishimskom mezhdurech'e* [The landscapes of the Holocene and interaction of cultures in the Tobol-Ishim interfluvium], Novosibirsk: Nauka, 212 p.

Zimina O.Yu., 2015. Kompleksy krasnoozerskoj kul'tury Ishimo-Irtys'hya [Complexes of the Krasnozerka culture in the basins of the rivers Ishim and Irtys'h]. *Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii*, no. 4, pp. 47–57.

Zimina O.Iu., Skochina S.N., 2008. Kompleks perekhodnogo vremeni ot bronzy k zhelezu poseleniia Mergen' 6 v Priishim'e [The complex of the transition time from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6 in the Ishim river basin]. *Istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova*, Omsk, pp. 187–189.

Zimina O.Iu., Zakh V.A., 2009. *Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov* [The Lower Tobol river basin at the turn of the Bronze and Iron Ages], Novosibirsk: Nauka, 2009, 232 p.